

Джосайя Ройс

ФИЛОСОФИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ (в переводе Станислава Горностаева)*

Лояльность –
полезное для
человека личное
отношение

Предметом
лояльности является
мотивационное
основание, имеющее
надындивидуальный
характер

Мотивационное
основание
одновременно
является и глубоко
индивидуальным,
и общим, связывая
людей в системы,
действующие как
целое

ЛЕКЦИЯ 2 Индивидуализм

В моей вводной лекции я обязался определить личное отношение, которое я назвал лояльностью, и показать, что для нашей пользы все мы нуждаемся в лояльности и должны найти мотивационные основания, которым мы можем быть лояльны. Это было всего лишь начало нашей философии лояльности. Прежде чем сделать следующий шаг, я должен попросить вас кратко рассмотреть результаты, которых мы уже достигли.

I

Лояльностью, как вы помните, я считаю добровольное, практическое и последовательное посвящение себя некоему мотивационному основанию. Под мотивационным основанием, способным вызвать лояльность, я понимаю, во-первых, то, что лояльному человеку кажется бóльшим, чем его личность, выходящим за ее пределы и не подвластным только его индивидуальной воле.

Во-вторых, это мотивационное основание должно объединить его с другими людьми некоторой социальной связью, такой как личная дружба, семья, государство и т.д. Мотивационное основание, на которое ориентирован лояльный человек, является чем-то, что кажется ему и личным и безличным, так как оно касается и его, и других людей, или скорее, если рассматривать с чисто человеческой точки зрения, сверхличным, потому что оно связывает несколько, возможно, огромное коли-

* Окончание. Начало см. № 1'2017. – С. 194–216.

чество личностей в более сложную социальную единицу. Вы не можете быть лояльны только к безличной абстракции и так же не можете быть лояльны просто к совокупности различных отдельных людей, рассматриваемых лишь как совокупность. Где есть объект лояльности, там есть и объединение разных личностей в одну жизнь. Это объединение и формирует мотивационное основание, которому человек, имея соответствующую предрасположенность, может быть лоялен. И такой союз многих в одном, известный всем, для кого личность значит больше, чем просто человеческая единица, представляется чем-то безличным или суперличным просто потому, что это больше, чем входящие в него отдельные лица. Все же это также глубоко личное, потому что союз – действительно союз личностей, а не просто надуманная абстракция.

Дух и сущность лояльности могут проявляться в различных, внешне непохожих друг на друга сферах, ситуациях и формах

Таких мотивационных оснований и такого же последовательного, добровольного практического посвящения им требует наше определение лояльности. Такие феномены существуют в мире, что я ранее и пытался проиллюстрировать вам. Мои иллюстрации были несоизмеримы этому понятию, поскольку просто невозможно показать кратко, насколько разносторонни формы человеческой лояльности. И всё же все эти многообразные формы схожи, дух лояльности остается независимо от того, какие мотивационные основания могут быть и кем бы ни являлись лояльные люди. Мы начали, конечно, с традиционных и знакомых иллюстраций. Лояльный капитан, непоколебимо остающийся на тонущем корабле, до последнего отдавая свой долг службе, которой он принадлежит; лояльный патриот, стремящийся посвятить свою жизнь своей стране и, если потребуется, умереть за нее; лояльный религиозный мученик, идущий на смерть, – впечатляющие и типичные, но не единственно возможные случаи проявления лояльности.

Лояльность потенциально может возникнуть в любой социальной группе, где есть мотивационное основание, связывающее ее членов

У людей, которые отвечают за жизни других (например, те, кто берет в путешествие детей), может появиться возможность показать такую же лояльность, как у честного капитана тонущего судна, поскольку опасность – возможность для проявления лояльности. Каждый, у кого есть друзья, может посвятить свою жизнь какому-то мотивационному основанию, которое определяет для него эту дружбу и делает ее священной в его глазах. Всякий, кто дает слово в серьезном для него деле, считает себя обязанным жертвовать своей частной выгодой, чтобы сдержать свое слово. Таким образом, всё, что соединяет различных людей стабильными социаль-

ными связями, может дать кому-то возможность для пожизненной лояльности. Поэтому лояльных людей можно обнаружить во всех социальных группах. Они могут иметь разный уровень интеллекта, власти, эффективности. Везде, где есть матери, братство и клановость любой степени, общественные организации любого типа; везде, где люди вступают в должности или приносят присягу либо, занимаясь наукой или искусством, сотрудничают в поиске правды и красоты, – существуют мотивационные основания, которые могут привлечь интерес кого-либо лояльного им. Таким образом, лояльность можно встретить среди самых приземленных и среди самых возвышенных людей. Король и крестьянин, святой и мирянин – у всех у них есть различные возможности для проявления лояльности. Прагматики всего мира и, казалось бы, одинокий ученый могут быть одинаково лояльными.

Дух лояльности, направляющий активность человека, всегда одинаков, независимо от вызывающих его мотивационных оснований

Но каким бы ни было мотивационное основание, которому лоялен тот или иной человек, и кто бы ни был этим человеком, дух лояльности – это всегда то, что мы сформулировали в нашем предварительном определении, что попытались описать в наших предыдущих рассуждениях. Всегда, когда мотивационное основание вне вашего частного «Я» больше, чем вы сами, носит социальный характер и способно связать в единое целое различных людей. Итак, мотивационное основание носит и личный характер, но при этом с чисто человеческой точки зрения является и надличностным. Когда мотивационное основание пробуждает ваш интерес и представляется достойным служения всеми силами и душой, с использованием всех ваших способностей, тогда оно пробуждает в вас дух лояльности. Если вы действуете, исходя из этого духа, вы фактически становитесь лояльными. И на сходстве этого духа во всех его бесчисленных вариантах базируется вся наша последующая аргументация. В основе этой аргументации лежит убежденность в том, что самый скромный, а также самый мудрый и самый могущественный человек могут разделить этот дух.

Лояльность является общечеловеческой потребностью, независимо от ее мотивационного основания

Лояльность, определенная подобным образом, представляется нам общечеловеческой потребностью. Таким образом, все мы должны найти такие мотивационные основания, которые пробудят нашу лояльность. Ранее я пытался рассмотреть источники нашей общей потребности в лояльности, начав свою лекцию с конкретных представлений о лояльности. Я попросил вас абстрагироваться на некоторое время от ваших индивидуальных мотивационных оснований и споров о том,

Лояльность – благо для лояльного человека, поскольку ориентирует его в жизни

Социальный порядок управляет человеком, но не отвечает на основные вопросы человеческой жизни

Почерпнутое из социума мотивационное основание, находящее отклик в человеке, делает его целостным и ведет по жизни

какие мотивационные основания являются более достойными, чтобы поразмыслить, какую пользу человек черпает из личного отношения к лояльности, что бы ни служило ее мотивационным основанием. Только так можно подготовиться к тому, чтобы взглянуть на лояльность в общем.

Лояльность, как я уже сказал, независимо от того, достойно ли ее мотивационное основание или нет, является благом для лояльного человека, так же как любовь, независимо от того, достойна ли в действительности возлюбленная или нет, может быть благом для любящего. И лояльность для лояльного человека не только благо, но и ведущая моральная ценность, потому что она дает ему личное решение самых сложных человеческих вопросов: для чего я живу? Почему я здесь? Для чего я хорош? Почему я необходим?

Индивид более или менее определенно и подсознательно задает себе такие вопросы. Но если он рассматривает себя только как индивида, то не может ответить на них. В себе он находит неопределенную тягу к счастью, хаос желаний, смесь противоречивых инстинктов. Он должен в любом случае посоветоваться с обществом, чтобы определить цель своей жизни. Однако социальный порядок, принятый таким, каков он есть, дает человеку обычаи, занятость, соглашения, законы и советы, но не высший идеал. Социальный порядок управляет человеком, но часто демонстрацией абсолютной власти также воспламеняет его волю. Он упрекает и развлекает человека, угрожает и хвалит его попеременно, давая ему возможность познать и оправдать смысл собственной жизни, насколько это в его силах. Но он не решает ключевых проблем жизни, пока лояльность человека остается непробужденной.

Только социальное мотивационное основание, привлекательное и захватывающее, которое по воле и соглашению человека овладевает его жизнью, как духи, вызванные шаманом, овладевают им по его воле и с его согласия, берет контроль над судьбами тех, кто нуждается в его помощи. Только мотивационное основание, возвышаемое социальным единством, которое оно дает многим человеческим жизням, но представляющееся жизненно важным для лояльного человека за счет личной привязанности, которую оно пробуждает в его сердце, может объединить внешний и внутренний мир человека. Когда такое единство наступает, оно принимает в человеке форму активной лояльности. Так, мотивационное основание, обращенное к человеку, встречается с

одной из его самых глубоких личных потребностей, в действительности являющейся самой глубокой из его моральных потребностей, а именно потребностью в жизненной цели, добровольно принятой и достойной.

II

Лояльность часто
обсуждается вместе
с индивидуализмом

Обсуждение зашло далеко. Но с этой точки зрения возникает большое количество возражений, которые я должен принять во внимание, прежде чем вы будете готовы постигать философию лояльности, которую я разовью позже. Эти возражения, существующие в настоящее время, были высказаны приверженцами определенных форм индивидуализма, которые в нашем мире так распространены. Я посвящу эту лекцию исследованию отношений духа лояльности и духа индивидуализма. Индивидуализм столь же разносторонен, как и лояльность. Следовательно, моя задача состоит в рассмотрении различных контраргументов.

Лояльность часто
необоснованно
противопоставляется
индивидуализму

Примерно год назад в присутствии компании молодых людей я попытался обосновать свои аргументы в пользу лояльности. Я пытался сказать этой компании, так же как я пытаюсь сказать вам, насколько всем нам нужна некоторая форма лояльности как централизующий мотив жизни наших личностей. Я также сожалею о том, что в нашей современной американской жизни есть столько социальных мотивов, которые, кажется, отнимают у людей истинный дух лояльности, оставляя их отвлеченными, не определенными относительно своих моральных стандартов, сомневающимися, не понимающими, почему и для чего они живут. После того как я высказал свое мнение, разгорелась дискуссия. Среди моих оппонентов оказался очень серьезный молодой человек, сын русского иммигранта. Мои слова вызвали справедливое негодование моего молодого друга. «Лояльность, – сказал он, – в прошлом была самым катастрофическим недостатком и слабым местом человечества. Тираны использовали дух лояльности в качестве своего основного инструмента. Я рад, что мы перерастаем лояльность безотносительно ее форм или безотносительно дел, которым она служит. То, чего мы хотим в будущем, – это развитие собственного суждения. Мы хотим просвещения и независимости. Давайте покончим с лояльностью!»

Не понимать сути
лояльности и
выступать против
нее могут даже
фактически очень
лояльные люди

Я должен отметить, что серьезность моего оппонента, его страсть к универсальному триумфу свободы личности, простота его речи, ненависть к притеснению уже сами по себе являлись признаками очень лояльного духа, поскольку у него имелось свое мотивационное

основание. Это была социальная причина – потребность многих в освобождении от притеснителей. Он говорил как человек, следовавший этому мотивационному основанию. Я уважал его лояльность человечеству, так как он понял потребности своих товарищей. Когда он говорил, его дух просто иллюстрировал мой собственный тезис. Он был пробужден, решительно настроен и нетерпелив. У него был свой идеал. И его лояльность мотивационному основанию угнетенных дала ему это прекрасное самообладание. Он стал живым подтверждением моей точки зрения на ценность лояльности для лояльного человека.

Мотивационные основания реально лояльных людей, выступающих против лояльности, иногда показывают ошибочность ее понимания

На самом деле он не был моим оппонентом. Но он не знал об этом. И его точка зрения на лояльность, его концепция, что лояльность по своему характеру – дух посвященности и самопожертвования мотивационному основанию, причем непременно дух подобострастия и рабского подчинения (хотя это убедительно опровергало само существование его собственной лояльности мотивационному основанию освобождения людей от угнетателей), – была ничем иным, как неверным толкованием себя и жизни, недоразумением, которое в наше время слишком распространено. Здесь мы видим одну из форм часто встречающегося возражения против духа лояльности.

Еще одно типичное возражение против лояльности – лояльность не что иное, как средство ухода от личной ответственности

Другой, решительно отличный протест против моих взглядов на лояльность прозвучал (также в прошлом году) из уст моего друга-учителя, который занимает высокое положение в удаленной общине и несет ответственность за детей и их моральное состояние. «Мне бы хотелось, – сказал он, – чтобы вы объяснили молодым людям, находящимся под моей опекой, что лояльность к различным их организациям, их клубам, тайным обществам, студенчеству в целом не служит никаким оправданием для озорников и не дает права лояльным студентам сначала подстрекать друг друга на беспорядки, а затем объединяться для защиты нарушителей во имя лояльности. Лояльность здесь, – продолжил мой друг, по сути имея в виду свою общину, – это ширма, призванная скрыть множество грехов. Всё, в чем нуждается молодежь, это чувство того, что у каждого человека есть своя личная обязанность и он должен развивать собственное сознание, а не рассматривать лояльность как способ освободиться от своей индивидуальной ответственности».

Типичным возражением считается то, что лояльность ведет к отказу от собственной воли

Протест, по сути содержащийся в словах моего друга, был, конечно, частично направлен на мотивационные основания, которым эти студенты были лояльны; то есть это был протест против их сообществ и их пред-

ставления об особых правах студентов. Разумеется, этот протест не имеет к нам никакого отношения, поскольку я сейчас не оцениваю достоинство человеческих мотивационных оснований, а рассматриваю только внутреннюю ценность самого духа лояльности для человека, имеющего этот дух, безотносительно мотивационного основания, которому этот человек лоялен. Однако частично этот протест, основанный на известной форме этического индивидуализма, является возражением, которое действительно здесь касается нас. Таким образом, мой оппонент, настаивал, что каждый человек для своего же блага должен развить собственное, отдельное чувство долга и личной ответственности. Лояльность, продолжал рассуждать мой оппонент, имеет тенденцию выключать индивидуальное сознание молодого человека, стимулируя его смотреть за пределы себя, чтобы видеть, что требует сделать его мотивационное основание. Другими словами, лояльность, кажется, настроена против развития той отдельной моральной воли, о которой я говорил вам в последней лекции, на которой настаивал Кант и которую все моралисты должны признать как самое высшее благо. Если я обращаюсь к своему мотивационному основанию, пытаюсь понять, что мне делать, разве я не отказываюсь от своего морального неотъемлемого права? Не должен ли я всегда оценивать свои обязанности? Разве лояльность не имеет тенденцию заставлять меня попросить, чтобы мое сообщество или другое мое социальное мотивационное основание просто сказали бы мне, что делать?

Лояльность часто является результатом проявления собственной воли и ответственности

И все же, как вы видите, даже мой друг-учитель, указавший на эту сложность относительно лояльности, не мог быть моим оппонентом настолько, насколько он полагал. Поскольку сам он, на основании его собственного автономного выбора карьеры, является очень лояльным учителем, преданным своей работе и лояльным к истинному благополучию своих студентов так, как он его понимает. Я убежден, что его дух должен быть той самой лояльностью, которую я вам описывал. Мой друг – независимый тип человека, который выбрал свое мотивационное основание и теперь глубоко лоялен. Иначе как бы он мог любить так, как он любит, трудные задачи его работы и жизни, как бы он мог быть преданным своей работе, принимая ее требования как свои собственные? Он работает как раб над своей собственной задачей, и, конечно, работает с любовью. И все-таки, кажется, он считает лояльность своих студентов их сообществам чрезвычайно рабской. Нет ли здесь какого-то противоречия?

Оппоненты полагают, что лояльность препятствует духу свободы

Есть еще одна форма индивидуализма, которую мои оппоненты также противопоставляют лояльности. Рассматриваемое возражение достаточно популярно. Его можно сформулировать таким образом: современные мужчины и современные женщины могут быть довольны широкими возможностями саморазвития и самовыражения, которые предоставляют условия нашей общественной жизни. Все мы имеем частные права, на которых настаивают мои оппоненты. Обязанности, как они добавляют, мы тоже имеем в довольно исключительных, возможно неправильных и раздражающих, обстоятельствах. Так или иначе, но обязанности стоят у нас на пути и препятствуют нашему росту; права же, по крайней мере, принадлежат нам. Сейчас нет эквивалента тому, что является вашим правом, а именно свободного самовыражения, беспрепятственной игры духа. Если у вас есть мнение – выразите его. Оно идет вразрез с текущими моральными традициями? Тем лучше, поскольку из-за его неуместного звучания вы понимаете, что это ваше собственное мнение. Но, несмотря на это, ваши социальные связи становятся раздражающими? Разрушите их. Сформируйте новые. Разве свободный дух не вечно молод? С этой точки зрения лояльность действительно кажется рабской. Зачем же жертвовать единственной вещью, которую вы имеете, – вашим шансом быть собой и никем больше?

Яркий индивидуализм – популярная тенденция современной морали

Я не буду далее рассматривать случай этого специального типа современного индивидуализма. В такой форме индивидуализм еще не устоялся, так же как и энтузиазм молодого русского в его симпатиях к угнетаемым, являющийся скорее следствием высокой жизненной энергии отдельных людей, которые, как я попытаюсь показать позже, еще не поняли, где себя применить. В любом случае индивидуализм этого вида, как я уже сказал, достаточно известен. Вы наверняка встречали его в современной литературе. Игры, романы, эссе, воплощают его принципы. Вам приходилось сталкиваться с этой формой индивидуализма и в реальной жизни, читать о подобных событиях в текущих газетах. Когда вы занимаетесь своими делами, индивидуализм иногда показывает свое моральное достоинство, стимулируя вас даже больше, чем этого требует современная перенаселенность, или же это проходит мимо вас слишком стремительно и остро в своем торжествующем и бесстрашном самоутверждении. Короче говоря, люди, которые имеют больше прав, чем обязанностей, получили особое положение в нашем современном мире. Эгоизм

Есть мнение, что духовность как согласие с собой лучше лояльности

всегда был нам присущ. Но божественное право быть эгоистичным никогда не было столь защищено ассоциацией с самым высоким духовным достоинством, как оно иногда защищается и иллюстрируется сегодня.

Но я не закончил перечислять позиции моих оппонентов. Существует еще одна форма современного индивидуализма, и она очень отличается от любой другой предшествующей формы. Однажды я позволил моему другу изложить свои доводы об этом виде индивидуализма. Это не восторженное восстание против угнетателя, которое выразил русский юноша, и не интерес к моральной независимости суждения, которое подчеркнул учитель, и не защита своих прав, подразумевающая предпочтение прав обязанностям. Это индивидуализм тех, кто ищет и кто полагает, что они находят внутренний духовный свет, который ведет их и освобождает от потребности любой лояльности внешне видимым мотивационным основаниям. Такие люди могли бы самостоятельно говорить об их верности своему внутреннему видению как своего рода лояльности. Но они не определили бы свою лояльность в терминах, которые я использовал в определении лояльного духа. Друг, о котором я говорил, изложил свои доводы от имени таких людей, сказав: «Лояльность, как вы ее определяете, – не главное благо человека. Духовность, вдумчивое самообладание, покой в свете истины, внутренняя умиротворенность – всё это составляет, если можно достичь их, главное благо человека. Благо, свершаемое для других людей, и то, что внешне проявляется как лояльное поведение, – вещи, которые могут и будут следовать из достижения внутреннего совершенства. Так будет, потому что душа, преисполненная благом, как сказал Платон, светит как солнце. Истинное благо в том, чтобы быть в единстве с собой. Тогда вы – в центре вашего мира, и тогда благодеяния, которые вы чувствуете себя обязанными сделать, будут следовать из того, что вы в ладу с собой и потому несете свет и мир. Тогда это не лояльность, а духовность, в которой мы преимущественно нуждаемся». Такими словами был выражен протест моего друга.

III

Основные возражения против лояльности ставят под сомнение ее безусловно позитивное значение для лояльного человека

Я рассмотрел четыре различных вида индивидуализма, противоречащих моему собственному тезису о том, что лояльность – главное моральное благо человека. Возможно, данные контраргументы являются наиболее значимыми по отношению к моим тезисам, хотя, как я сказал, множество других аргументов может быть

получено путем изменения их формы. Возражения, как вы заметите, основаны на различных, взаимопротиворечащих принципах. Все же каждое из них кажется весомым, особенно там, где я говорю не о том, что лояльность хороша, потому что ее мотивационное основание является благом в социальном плане, а о том, что лояльность – это благо для самого лояльного человека, независимо от мотивационного основания лояльности и того, какую пользу она может принести другим людям.

Обоснование своей концепции лояльности можно начать с дискредитации ее критики

Философ-схоласт Фома Аквинский в своем известном теологическом трактате «Сумма теологии», в каждой из глав, на которые разделена его работа, прежде чем изложить свои доводы, предоставлял слово оппонентам. И, указывая на противоречие их доводов цитатам из Священного Писания или изречениям Святых Отцов, тем самым сеял в оппонентах сомнения в их правоте. Этот прием опровержения в споре получил краткую формулировку: «Да, но с другой стороны...» и т.д. И поэтому теперь, набросав список различных аргументов различных форм индивидуализма, я воспользуюсь своим правом на взгляд «с другой стороны», прежде чем приступлю к развернутому обоснованию собственной позиции.

Исторические примеры демонстрируют возможности совмещения глубокой лояльности и качеств, ассоциируемых с индивидуализмом

Против всех четырех аргументов своих оппонентов я выдвигаю следующий факт: некоторое время назад японцы вызвали у нас восхищение абсолютной лояльностью к своей нации, которую они продемонстрировали во время последней войны. Обратившись за информацией к различным источникам о жизни японцев, мы узнали о чем-то вроде морального кодекса Бусидо, который Нитобэ в своей небольшой книжке назвал душой Японии. Какими бы ни были наши взгляды на японскую жизнь и политику, я думаю, нам удалось увидеть, что у идеала морального кодекса самураев, древнего японского типа лояльности, наряду с варварским и кровавым духом феодализма, есть элементы великой духовной силы. Моральный кодекс самураев действительно включал много антииндивидуалистических черт. Его никогда не понимали те, кто видел в нем только рабство. Лояльный японский самурай, как он описан знатоками, никогда не испытывал недостатка в чувстве собственного достоинства. Он никогда не принимал то, что могло бы быть тиранией. У него были свои правители, но как человек он был горд служить им.

Истинная лояльность объединяет личные и социальные достоинства

Лояльный японский самурай часто использовал свое собственное суждение относительно применения сложного кодекса чести, в соответствии с которым был воспитан. Он любил то, что принял в качестве своих

прав как человек чести. Он сделал многое, порой даже наивное, выражая свое достоинство. Его костюм, его меч, его поведение говорили о наличии чувства собственной важности. И все же его идеал, по крайней мере исходя из традиционных практик, которые описывают последователи самураев, состоял в длительной выработке в себе подлинного духовного спокойствия. С детства его обучение включало в себя подавление частных эмоций, практику контроля над своими настроениями, ясности ума и душевного равновесия, то есть всего того, что считалось необходимой частью его благородства. Китайские мудрецы, а также буддийские традиции повлияли на его взгляды, на культивирование этого внутреннего самообладания и спокойствия души. При этом он был и светским человеком, воином, борцом за свою честь, а прежде всего, он был лоялен. Его лояльность на самом деле состояла из всех этих личных и социальных достоинств, вместе взятых.

Истинная лояльность возвышает достоинство человека, а не унижает его

Эта японская лояльность самурая была выработана древними обычаями Бусидо до такой степени свободы и пластичности в идеях и их выражении, что, когда произошли реформы и феодальная лояльность была преобразована, что называется, одним махом, активное служение человека своей стране и ее современным потребностям и требованиям способствовало тому, что это преобразование прошло максимально быстро и настолько эффективно, насколько это было возможно. Идеал Бусидо, между тем, распространился от древнего военного класса общества до населения большей части страны. Это, конечно, не единственный японский идеал. И я не преувеличиваю, когда говорю, что старая японская лояльность на самом деле играет определяющую роль в существующей морали простых людей этой страны. Несомненно, моральный кодекс самураев стал духовным наследием огромного количества японцев. Общеизвестно, что этот идеал лояльности был задуман в Японии как средство нивелирования индивидуализма и определяющей роли индивидуальной этики. Я и сам не верю, что японцы постигли истинную ценность человеческой индивидуальности. И все же, в конце концов, разве этот японский идеал лояльности не своего рода контраргумент, который должны учитывать все противники лояльности? Дело в том, что японская лояльность не была простым инструментом для тиранов. Она действительно сильно отличалась от той слепой и жалкой лояльности необразованного российского крестьянина, которого имел в виду мой молодой друг, когда он осуж-

Блага, искомые сторонниками этики индивидуализма, могут быть обретены посредством лояльности

дал лояльность. Японская лояльность, напротив, вела к великой солидарности национального духа.

Японская лояльность препятствовала вычурному самовыражению, но не подавляла индивидуальные суждения. Современное преобразование Японии, конечно, зависело от значительного развития личной изобретательности и пластичности, не только интеллектуальной, но и моральной. Эта лояльность не превратила людей в машины. Она способствовала развитию отдельных талантов. Японская лояльность, кроме того, если действительно противопоставлять ее индивидуализму, который знает права, но не обязанности, выразилась в героической энергии жизни, которой могли бы позавидовать самые энергичные из тех, кто любит самоутверждаться. И между тем эта лояльность, по крайней мере для некоторых ее представителей, предполагала обретение и использование внутреннего спокойствия и самоконтроля, мира в душе и внутреннего совершенства, которые я считаю завидными и которые многие наши беспокойные странники могли бы счесть действительно успокоительными, если бы сумели их достичь. Тогда не было бы серьезных противоречий между пользой, которую может принести лояльность, и различными личными благами, на которые указывают приверженцы индивидуализма. Я не считаю, мы должны начать подражать японцам. Наша цивилизация имеет собственные моральные проблемы и должна решать их своими способами. Но я уверен, что всевозможные приверженцы этики индивидуализма, посчитав себя противниками духа лояльности, должны рассмотреть те аспекты японской лояльности, которые большинство из нас действительно считают завидными. Этот аргумент доказывает, что многие личные блага, которых ищут сторонники этики индивидуализма, ранее приобретались, а значит, могут быть вновь обретены посредством духа лояльности.

IV

Человек устроен так, что видит себя центром мира

После такого контраргумента я могу приступить к более тщательному анализу рациональных требований этики индивидуализма.

Относительно физического или природного мира каждый человек неизбежно оказывается центром своей собственной вселенной. Звездное небо представлено в виде сферы в его глазах, и он сам, насколько он может это видеть, в центре той сферы. Каждому из нас кажется, что он является центром целого бесконечного види-

мого мира. Трудно ощутить реальность того, что удалено от нас, как и реальность мира, который рядом с нами. Нам трудно понять, как люди, живущие далеко от нас, скажем, австралийцы или сибиряки, действительно не могут почувствовать, насколько далеки они от места, которое, по нашему мнению, является самым лучшим для проживания. И люди других рас, конечно, должны чувствовать, если они разделяют наше естественное понимание относительно них, что они действительно странный вид людей.

Иллюзия центра мира – основа эгоизма, закладывающая основы различных интерпретаций объективного положения вещей, включая моральную сферу

Эта неизбежная иллюзия перспективы, конечно, отвечает за то, что называют нашим естественным эгоизмом. Но, с другой стороны, это не простая иллюзия. Она дает человеку некую установку, даже несмотря на то что искажает истинный характер вещей. У реального мира есть объективное отношение к различным личностям, которые живут в нем. Правда варьируется в зависимости от соотношения мира с той или иной личностью. Ценности действительно меняются в зависимости от точки зрения. Мир, интерпретируемый мной, фактически отличается от мира, который интерпретируется вами, и в основе обеих этих интерпретаций лежит объективное положение вещей. Если затронуты моральные ценности, то определенно никакая этическая доктрина, которая пренебрегает людьми, игнорирует, даже скажу, не их право, а их обязанность централизовать свои жизни и, таким образом, их моральную вселенную в их же собственных целях, не может быть правильной. Раз уж мы в центре звездных небес, то уже наверняка каждый из нас в центре своей собственной сферы обязанностей.

Лояльность, по сути, – еще одно выражение этики индивидуализма

Никакая безличная моральная теория не может быть успешной. В этике индивидуализма есть постоянное и, как я полагаю, его абсолютное суждение о природе вещей. И первый принцип истинного индивидуализма в этике действительно состоит в моральной автономии любого рационального человека, которого я упомянул выше и которого так красиво защищал Кант. Только ваше собственное желание, включенное в истинное знание себя, может определять для вас ваши обязанности. Я сам, рассуждая о лояльности как о пользе для лояльного человека, говорю как сторонник этики индивидуализма. Вся моя теория зависит от этого факта. Следуя этому моему аргументу, вы не должны бояться, что я буду ратовать за какой-то безличный способ жизни как за идеал, оппонировав индивидуализму противников лояльности, чьи разнообразные позиции я сформулиро-

вал выше. Я только утверждаю, что их возражения против лояльности, их представление о том, что личные цели не могут быть достигнуты посредством лояльности, являются следствием их неудачных попыток постичь индивидуальные моральные потребности и понять, что именно их они и пытаются удовлетворить в своих слепых стремлениях. Я хочу сказать, что они неизбежно ищут свою собственную форму лояльности, свое собственное дело и свою возможность служить своему делу, и вряд ли, что они смогут реально и рационально найти духовный покой в чем-то другом.

Вопрос в том, что может быть источником индивидуального блага

Позвольте мне назвать свои причины этого мнения, и затем, я надеюсь, вы увидите, что мои противники в глубине души не выступают против меня. Они явно выступают против себя, и это простое недоразумение. Поэтому я говорю своему оппоненту: «Будьте индивидуальностью, ищите свою собственную индивидуальную пользу; полностью посвятите себя поискам, вложив в это занятие сердце и душу». Но я все же задаюсь вопросом: где, на небесах или на земле, вам придется искать это ваше высшее благо? Где вы сможете найти его?

V

Счастье без жизненного плана остается делом случая

Первый ответ на этот вопрос мог бы очень естественно принять форму высказывания: «Я ищу в качестве моего блага мое собственное счастье». Но, как я говорил ранее, этот ответ не даст вам решения вашей проблемы. Счастье включает удовлетворение желаний. Ваши естественные желания бесчисленны и противоречивы. Что удовлетворяет одно желание, не удовлетворяет другого. Пока ваши желания не согласованы посредством некоторого определенного плана жизни, счастье – дело случая. Оно то приходит, то уходит, и вы не знаете почему. Кажется, наиболее простой план быть счастливым, это просто быть счастливым без всякого плана. Поэтому вы не рассматриваете поиски счастья как отдельную деятельность.

Жизнь без собственного плана – лишь раздражающая адаптация к социальному порядку

Призвание, которому вы следуете, в любом случае будет чем-то, чему учит вас социальный порядок, в котором вы живете; и все ваши планы будут практически вторичными по отношению к вашему общему плану жить в приемлемом соответствии социальному порядку, поскольку вы социальное существо. Если затем вы просто говорите: «Ну тогда я буду жить так, как требует мой социальный порядок», то снова, как мы видим, у вас нет определенного способа выразить вашу собственную индивидуальность. А если социальный порядок дей-

ствительно не так хаотичен в своих действиях, как по своей природе вы сами, он сам способен сделать вас не более чем винтиком в своем механизме или членом одной из своих многочисленных групп, но в любом случае простым транслятором его различных влияний. Будучи нравственным человеком, вы справедливо восстаете против такой судьбы. Если это случайное социальное существование предоставляет вам единственный план жизни, вы живете в печальном и слишком распространенном режиме колебаний между слепым подчинением и неадекватными восстаниями. Как говорил Кант относительно естественного человека: ваше состояние до сих пор остается таким, что вы не можете ни выносить своих ближних, ни обойтись без них.

Уход от себя
в пучину быта –
не лучшая
альтернатива
внутриличностному
хаосу

Вы делаете свою ежедневную работу, но жалуетесь на своего работодателя. Вы зарабатываете свой хлеб, но печальны из-за трудных времен и социальных притеснений, которые окружают вас. Вам невыносимо тоскливо, когда вы одни, но скучаете, находясь в компании. Ваши соседи определяют ваши обычаи, но взамен на искусство жизни, которое приобрели таким образом, вы постоянно критикуете своих соседей за нарушения ими обычаев. Имитация и ревность, рабская традиционность, с одной стороны, тайный или открытый беспорядок – с другой, возникающие конфликты и шутки, которые не радуют, наряду со многими радостями и печальми, которые приходят случайно, составляют хронику вашей жизни. Именно такую хронику ежедневные газеты в большинстве своих жестоких сообщений постоянно поставляют нам, вместо того чтобы описывать общественную деятельность человечества. Так социальное животное, пытаясь убежать от хаоса своих естественных желаний, лишь погружается в детали управляющего им социального порядка. Так можно оставаться довольно счастливым в течение долгого или короткого времени, но это всего лишь шанс. Можно считать себя удовлетворенным, но только на этом уровне.

Лояльность –
решение для
настоящих
индивидуалистов

Но если вы действительно подлинный индивидуалист, то не можете и не захотите принять такую судьбу. Вы требуете своего освобождения, своего неотъемлемого права на тот социальный порядок, который реализовал бы вашу индивидуальность. Вы ищете спасения от этой невыносимой неволи. Теперь уже я рекомендую вам искать такую свободу в форме лояльности, то есть в добровольном и всецелом самопожертвовании привлекательному, имеющемуся в общественном опыте мотивационному основанию.

Даже реализация
желания личного
могущества
невозможна без
социальности

Но, возможно, это еще не кажется вам решением проблемы, и потому вы можете вернуться к очень знакомой форме индивидуализма, сказав: «Ну тогда моим идеалом будет могущество. Я стремлюсь быть хозяином своей судьбы». То, что высшая польза для человека должна быть определена с точки зрения могущества, – известная и старая доктрина, которая просматривается в каждом поколении. Ницше утверждал, что центральный принцип этической индивидуальности – желание быть могущественным. Если теперь это ваша доктрина, то могущество, которое вы ищете, конечно, не будет простой грубой силой. Плохо понимают Ницше – инвалида, обремененного тяжелой болезнью, обреченного на одиночество своей чувствительностью и все же страдающего от невозможности влиять на ближних, которые до самой смерти философа не понимали его. Плохо понимают его и те, кто находит в его страстных афоризмах только прославление элементного эгоизма. Нет, могущество для Ницше как нравственного индивидуалиста имеет серьезное значение. Речь идет о могуществе, идеализированном через его социальную эффективность и задуманном с точки зрения некоторой более или менее неопределенной мечты о полностью усовершенствованном и идеальном, но, конечно, об отдельном социальном человеке.

Достижение
могущества имеет
социальные пути,
но должно иметь и
социальные цели

Мечта Ницше о могуществе полна пафоса безнадёжного инвалида, страстно желающего избавиться от своего недомогания. Трагедия его жизни – лишь одна из бесконечных трагедий, жертвами которых стали искатели могущества. Если это то могущество, которое вы ищете, ваш идеал нельзя выразить, как выразил его Ницше, но в любом случае вы будете искать некоторый социально идеализированный тип могущества. Воины, государственные деятели, артисты будут для вас примерами того, какой может быть власть, если ее достичь. В вашей сфере вы будете стремиться управлять социальными условиями, сосредоточив их на ваших личных интересах. У нас возникает вопрос: вы можете надеяться достичь высочайшего личного блага такими способами поиска власти, как эти? Если же мы вспомним, что основной темой героической трагедии во все времена была судьба ищущих могущества и что одной из любимых тем комедий была нелепость поисков этих самых любителей могущества, то наш вопрос заранее предполагает ответ. Мудрецов, поэтов и циничных критиков объединяет отношение к поискам власти самой по себе, не являющейся средством для достижения высоких целей. Давайте тогда просто вспомним известный вер-

Личное благо не может быть сведено к власти, могуществу, влиянию

дикт, что и трагедия, и комедия, и мудрость веков прошли через жажду могущества.

Определить личное благо как власть нельзя по трем причинам.

Во-первых, достижение власти – дело случая. Стремясь к власти, делая ее благом всей вашей жизни, вы ставите на кон свою нравственную личность. В итоге старость и смерть в лучшем случае высмеют все попытки достичь чего-то для себя в одиночку. В течение жизни цель достижения могущества является в лучшем случае лишь чуть менее неопределенной по сравнению с целью достигнуть настоящего личного счастья. Это первый аргумент против могущества как высшей личной пользы. Аргумент не новый, с ним солидарны поэты и мудрецы, к которым присоединяются и циники.

Во-вторых, стремление к власти неутолимо. Когда мы ищем власть не как средство свершения чего-то, а как самодостаточное личное благо для собственной выгоды, это обрекает нас на неустанный поиск чего-то определенного с нашей точки зрения. Несмотря на то что судьба помогает нам, нас не покидает чувство, что мы не нашли того, чего искали. Таким образом, мы приговариваем себя к бесконечному разочарованию. Этот аргумент также известен, и его легко проиллюстрировать. После того как судьба, казалось бы, не смогла помешать Наполеону, он продолжал уничтожать себя только потому, что его стремление к власти росло вместе с тем, чем оно питалось, пока фатальная российская кампания не стала неизбежной.

В-третьих, часто цитируют слова Спинозы: «Власть человека бесконечно уступает власти внешних вещей», и, следовательно, ищущий просто отдельной власти предпринял сражение с неодолимыми силами целой Вселенной. Именно поэтому, перефразируя другие слова Спинозы, можно сказать: когда такой ищущий власти перестает страдать, он перестает существовать.

Власть для власти – дорога рисков и саморазрушения

Чем больше власти, тем больше мест, где человек вступает в контакт с миром, который он завоевал, и тем больше способов, благодаря которым он чувствует свою силу. Это происходит с искателями могущества, как в последнее время произошло с некоторыми нашими крупными корпорациями. Чем больше капитал этих корпораций и чем шире их интересы, тем многочисленнее их враги; чем жестче законодательные постановления, которых они должны бояться, тем выше штрафы за правонарушения. Власть увеличивает свои возможности, вплоть до возникновения конфликта. Следова-

Лояльные люди реализуют себя не через достижения, но через вклады в потенциал своего дела, который сравнительно велик и устойчив

Лояльность – более надежный путь к личному счастью

но, простой искатель власти не только может случайно потерпеть неудачу, но также и сам активно стремится к своему разрушению.

Кто бы ни хотел власти, и только власти, он сражается с непобедимой судьбой. Однако вы можете парировать: «Разве лояльные люди так же неподвластны судьбе, как другие?» В ответ я обращаю внимание на то, что точно с такой же судьбой сталкиваются и лояльные люди, но встречаются они ее совершенно в ином духе. Они также подвергаются влиянию судьбы; их лояльность также является неутолимой в желании служить своему делу; они тоже знают, что значит столкнуться с задачами, которые слишком сложны для смертных, чтобы их завершить. Но только их лояльность как добровольное вверение себя их делу – не безнадежная война с этой судьбой, а жизнелюбивое принятие неизбежности судьбы каждого отдельного человека. В таких вопросах, как вы знаете, «готовность – это всё». Лояльность обесценивает смерть, потому что с самого начала она является готовностью умереть во имя своего дела. Она определяет судьбу, поскольку говорит: «Посмотри, разве я не пожертвовал всем? Говорил ли я когда-нибудь, что просто мне должно повезти?» Поскольку лояльность рассматривает жизнь как служение своему мотивационному основанию, она удовлетворена бесконечными поисками. Поскольку ничто нельзя считать слишком обширным, чтобы стать мотивационным основанием, лояльность расценивает величие своих задач как потенциал.

Но жажда власти, наоборот, делает ставку не на отказ от своеволия, а на достижение частного благосостояния, на победу человека в его безнадежной борьбе со своей частной судьбой. Следовательно, в мире скитаний, личных проблем и неустроенности у лояльных есть чувство дома. Они могут заблуждаться или проиграть, но они рассматривают свое мотивационное основание как постоянное и достойное. Служить делу – это честь, и обладание этой честью – в наших собственных руках. Однако в том же самом мире искатели власти не чувствуют себя уютно. Они уже завоевали Западную Европу, но власть все еще скрыта на Дальнем Востоке, и они блуждают в снегах русской зимы, преследуя призрак реальной жизни, который всегда манит их из скрытого внешнего мира. Лояльные солдаты Наполеона действительно достигли своей цели, когда погибли, служа ему. А сам он проиграл. Солдатам больше повезло, чем их лидеру. Они умерли, исполнив свое желание. А Наполеон еще жил некоторое время, но закончил свои дни плачевно.

Стремление лишь к власти в современном мире разрушительно

Подобных аргументов, показывающих, в чем состоит заблуждение тех, кто в наше время считает, что имеет больше прав, чем обязанностей, можно привести достаточно много. Эта проповедь о тщеславии, стремлении к власти, конечно, очень старая. Вы можете расценивать мои замечания как утомительную моральную банальность. Но история судеб жаждущих власти столь же стара, сколь и правдива. Эта история, которую нужно пересказать современной Америке. Любой финансовый кризис с его трагедиями послужит ей лучшей иллюстрацией.

Лояльность способна воплотить моральную автономию человека

Но, возможно, это не та форма индивидуализма, утверждаемая нравственным индивидуалистом, к которому я теперь обращаюсь. Возможно, вы говорите: «То, чего я хочу, не просто могущество. Я требую моральной автономии и независимости суждений. Я хочу назвать мою душу своей собственной. Высшее благо – активное самоопределение». В этом случае я полностью соглашаюсь с вашими требованиями, поскольку это благие требования. Я собираюсь только дополнить их и выступить против вашего опровержения ценности лояльности. До какого предела, я спрашиваю, ваша моральная независимость хороша? Считаете ли вы важным лишь тот факт, что не похожи ни на кого другого, или считаете ли хорошим то, что осуждает другой человек? Какую ценность вы могли бы найти в независимости, которая должна просто изолировать вас, превратить вас в странное существо, взгляды которого не разделяемы никем? Нет, вы всё ещё социальное существо. Вы хотите быть услышанным и хотите уважения к выбранному вами мотивационному основанию. На самом деле вы подразумеваете, что никто другой не должен определять ваш собственный выбор и особую лояльность, которая должна быть только вашей.

Лояльность не только автономность, но ее осмысленность и устойчивость

Я – тот, кто определил лояльность как добровольное посвящение себя мотивационному основанию, – далек от требования любого недобровольного посвящения любому мотивационному основанию. Конечно, вы независимы. Вы можете даже освободиться от любой лояльности, если захотите. Но если вы так поступите, если откажетесь от посвящения себя какому бы то ни было мотивационному основанию, ваше утверждение моральной независимости останется пустым объявлением морального суверенитета над вашей жизнью. Единственной определенной жизнью, ради которой вы сможете жить, будет социальная жизнь. Эта социальная жизнь может быть действительно враждебной обществу.

Но в этом случае ваш социальный порядок разрушит вас и ваша моральная независимость умрет без типичного для лояльного человека успокоения при виде проблиска знамен, во имя которых он принес свою жертву, поскольку мотивационное основание лояльного человека переживет его. Ваша независимость умрет вместе с вами, и, пока она живет, никто больше не даст гарантий ее жизни.

Лояльность – практически единственный способ быть автономным

Вашими последними словами тогда будет: «Гляньте-ка, я самоутверждался». Но в гипотетически враждебном вам обществе вы никогда не будете знать, что именно вы таким образом утверждали, когда самоутверждались. Собственное «Я» человека не имеет никакого содержания, никаких планов, никакой цели, кроме тех, которые так или иначе определены для него его социальными отношениями. Поэтому ваша жизнь действительно может быть еще одним воплощением социального конформизма. Но такую жизнь вы как индивидуалист учили презирать, и, я думаю, справедливо. Ваш единственный выход – утверждать вашу автономию через выбор мотивационного основания, жить в лояльности и умереть в лояльности, если будет нужно. Тогда вы не просто самоутвердитесь собственным выбором мотивационного основания, но четко выразите себя своим служением делу. Единственный способ быть практически автономным – это быть свободно лояльным.

Автономия лояльности – в свободном выборе мотивационного основания

Такие аргументы – мой ответ тем индивидуалистам, которые настаивают на моральной независимости. Мой молодой русский друг и учитель были индивидуалистами этого типа. Мой ответ им обоим, как вы видите, таков: единственной последовательной моральной независимостью, которую вы можете определить, является та, которая найдет свое выражение в лояльной жизни. Существует бесконечное пространство для рациональной автономии в вашем выборе мотивационных оснований вашей деятельности.

Спокойствие не означает отсутствие активности

Между тем вы можете настаивать на том, что еще одна форма индивидуализма остается открытой для вас. Вы можете сказать: «Я ищущу духовность, спокойствие, душевное равновесие, которое мир не может ни дать, ни забрать. Поэтому мое высшее благо не в лояльности, а во внутреннем совершенстве». Но я еще раз отвечаю вам суждением человеческого опыта относительно истинного характера духовного самообладания: вы ищете спокойствия. Да, но вы не хотите, чтобы ваше спокойствие означало простую апатию. Вы стремитесь к миру, но не желаете пребывать в лишенном сновидени-

ях сне или обмороке. Камни, кажется, тоже остаются безмятежными, когда вы случайно спотыкаетесь о них, а некоторые островитяне мирно дремлют в своих хижинах, пока нет нужды работать.

Благо для активного существа – спокойствие в активности

Однако типы спокойствия, которые вы рассматриваете, иного вида. Вы – нравственный индивидуалист. Поэтому ваш покой должен быть результатом осознанного собственного желания. Это должна быть гармония активности, спокойствие того, кто живет энергично, потому что живет духовно. Но в каком духе вы должны жить? Разве вы не человек? Можете ли вы жить с активным собственным желанием, не живя среди ваших братьев? Ищите тогда спокойствие, но пусть это будет спокойствие вовлеченного и социально активного существа. Иначе ваш духовный мир – простое чувство спокойствия, и поэтому он содержит в лучшем случае лишь одну сторону вашего существа, а именно только чувственную сторону. Сильное чувство, что все более-менее в порядке, не является высшим благом активного существа.

Формы активности и обстоятельства менее важны, если итогом является душевный покой

Даже один из самых типичных мистиков, Майстер Экхарт, когда-то изложил свои доводы относительно истинной духовной жизни: «Если у человека мирная и спокойная жизнь с Богом – это хорошо; если он переносит жизнь, полную страданий, с терпением, – лучше; но то, что он находит покой даже в своей полной страданий жизни, – лучше всего». Последнее утверждение – поиск отдыха и духовного удовлетворения даже в самой трудной жизни – это точно аргумент лояльного человека, поскольку его лояльность получает полный контроль над его эмоциональным естеством.

Лояльность не гарантирует душевного покоя, но повышает шансы

Я уверяю вас, что не все лояльные люди одарены таким спокойствием, но это из-за недостатков их характера или обучения. Их лояльность была бы более эффективной, если бы она была окрашена спокойствием, которое вы преследуете.

Лояльность – путь, чтобы создать себе душевный покой и раскрасить его в цвета своей индивидуальности

Но ваш собственный мир духа будет бессмыслен, если это не будет мир того, кто посвящает себя своему мотивационному основанию. Байярд Тейлор говорит в своей лирике, что «любовь – самое дорогое». И я говорю: действительно, безмятежность духа должна быть найдена в своих лучших проявлениях у лояльных людей. Ввиду таких соображений, когда я слушаю наших современных нравственных индивидуалистов – поэтов, драматургов, эссеистов, которые прославляют личную инициативу, наших Уолта Уитмена, Ибсена, и, прежде всего, когда я слушаю Ницше, я признаюсь, что эти люди захватывают меня на какое-то время, но вскоре

начинаю слушать их с раздражением. Конечно, тогда я являюсь действительно автономным. Будьте человеком! Но ради Небес человеком, живущим для чего-то. Не точите меч своей решительности. Начните сражение за подлинную индивидуальность. К чему эти бесконечные предварительные жесты кулачки? «Бросьте ваши гримасы» и начните. Есть только один способ быть нравственным человеком. Он состоит в том, чтобы выбрать ваше мотивационное основание деятельности и затем служить ему, как самурай служит своему феодалу, как идеальный рыцарь из романа – своей возлюбленной, – в духе всего лояльного.
